

Мергера, апрель 1210 года

БУ-У, БУ-УБ-У, БУ-БУ...

Несколько мгновений Уго вслушивался в гулкие звуки сигнального рога, отделяя только что подаренные ему Матерью ночи сновидения от неумолимой яви. Звуки не умолкали. Означать они могли что угодно. Пожар, нападение волчьей стаи, нашествие врагов. В каждом из этих случаев любой житель деревни вскакивал как ужаленный, любое промедление могло быть смертью подобно. Однако размеренный тон звуков подсказывал, что это не знак немедленной опасности. Но тогда означать сигнал мог только одно.

Вздохнув, он потянулся до хруста костей, широко распахнул глаза, чтобы уловить хоть какой-то проблеск света сквозь маленькое окошко, затянутое бычьим пузырем, но в темноте даже контуры окна улавливались с трудом. Он поднялся с застеленного шкурой кабана ложа, и под правой лопаткой кольнуло, словно в спину воткнулся шип. Старые раны давали о себе знать. Еще больше неприятностей приносили распухшие в коленях ноги, от чего в поселке страдали все мужчины, дожившие до его возраста. Как дань холодному Балтийскому морю.

Зима уступила место лету. Лед стаял, рыба приблизилась к берегам, и в благодарность женщины щедро поделились с Матерью моря пшеничными лепешками. Днем

жители Мергеры, словно медведи из берлоги, выбирались из опостылевших за зиму домов наружу, чтобы погреться на солнце. В тайных лесных убежищах проснулись птицы и целыми днями воспевали приход тепла. Но по ночам холод еще брал свое. Уго, крихтя, стал натягивать сапоги. Для него они были сапогами удачи, специально хранимыми для подобных случаев. Один сапог беспощадно жал в правой лодыжке, да кто обращает внимание на такие мелочи? Тем более, знал Уго, как только он приступит к настоящему мужскому делу, все боли, сомнения, неудобства исчезнут, словно сметенные порывом морского ветра.

По дому разносился топот торопливых ног.

– Отец, – крикнула младшая дочь Дана. – Ты проснулся? Тебе помочь?

– Себе научись помогать!

Голос Уго потеплел, настроение улучшилось. Дана росла девчушкой шустрой, с неугасимой энергией, голос ее звучал неумолкаемым колокольчиком, наполняя дом жизнью и весельем. Под стать ей был младший брат Лемо. А вот старший из сыновей, Зак, был не таким. Крупный, в отца, ловкий в движениях, многословием, как и положено настоящему мужчине, не отличался, в споры не лез, предпочитая отмалчиваться. В доме его почти не было слышно. Вот и сейчас он быстрой тенью, почти беззвучно, пронесся мимо и хлопнул наружной дверью. «А ведь мог бы и погодить, поинтересоваться, что задерживает отца», – вдруг с обидой подумал Уго.

Недовольно посапывая, Уго распахнул дверь. Хотя и снаружи было не намного светлее. Ни один всполох огня не раздирал темноту ночи, и ветер не приносил запаха гари. Вся деревня была уже на ногах. Люди возбужденно переговаривались, бежали к берегу.

– Кто долго спит, встает голодным, – крикнул, пробегая мимо, Имаутс. – Голодного можно накормить. Глупого умным не сделаешь, – отозвался на реплику старого друга Уго. Первым, самым горячим, достаются раны и слава.

«Какой храбрый был воин» – скажут потом соседи, утешая вдову. А добыча достается тому, кто сохранит трезвую голову. Но это понимание приходит только с годами. Тем, кто эти годы проживет.

Все, даже женщины и дети постарше, были уже на высоком, заросшем соснами берегу и, ежась от холода, вглядывались в темноту. В его возрасте он мог бы позволить себе остаться с ними, но это было не в его правилах. Уважать старейшину должны не только за ум, возраст или богатство. А силы в руках пока хватало. До сих пор он играючи поднимал ствол срубленного дерева, с которым едва справлялись двое мужчин, одной рукой выдергивал из воды тяжелую лодку. А однажды, на потеху сыновьям, поднял на плечи оседланную лошадь и вынес со своего двора. Ни один мужчина в деревне не мог по силе сравниться с Уго.

Отблески большого костра под песчаным обрывом мешали видеть лучше, но и без того в привычном месте, на фоне зарождающегося на дальнем краю моря рассвета, проглядывали скошенные контуры корабля и его беспомощно полощущегося паруса. По команде Уго ближайшие к огню люди быстро растащили костер, закидали тлеющие поленья песком. Под обрывом неподалеку от устья впадающей в море речушки собрались мужчины. Стояли молча. Так же, без лишних слов, подростки выводили из узкого устья реки несколько низкобортных рыбацких лодок.

Уго, насколько позволяла темнота, вгляделся в лица окруживших его людей. Кажется, все были в сборе. Имаутс, Каже, Ассо, Зига, Варс – с каждым из них он участвовал во многих битвах, все они были могучими и непобедимыми воинами. Такими же должны были стать и их сыновья, стоящие рядом с отцами, в том числе его Зак. Одни из них уже с гордостью носили отметины прошедших сражений, другие еще с нетерпением ожидали своей очереди. К способностям последних Уго относился с опаской. Одно дело – кидать топор в ствол дерева или метать дротик

в соломенное чучело под ликующие возгласы женщин и детей, и совсем другое – делать это в настоящей битве. Он быстро отобрал полтора десятка человек, остальным указал на лодки и неодобрительно покачал головой при виде огромного лука. Иво был знатный стрелок, это в Мергере знал каждый, но от сырости тетива размокнет и потеряет упругость, длинные плечи лука будут цепляться в узком пространстве за самые немыслимые препятствия и мешать остальным, а темнота в бою может сыграть с целью злую шутку.

– Помоги нам, Мать ветра, – наконец прошептал он и поднял голову к небу. Большую часть его, плотно перекрывая путь лунному свету, затягивали тяжелые рваные облака. Несколько мгновений Уго не отводил глаз от места, где за тучами пряталась путеводная звезда удачи, пока ему не показалось, что перед ним мелькнула белая искорка.

– Мать ветра с нами! – уже громче, чтобы ближайшие к нему воины могли услышать, сказал он, поворачиваясь к сидящему на мели кораблю, и махнул рукой. Тотчас первый из мужчин ступил в воду и словно растворился в ней. Убедившись, что лук Иво остался на берегу, Уго накинул на голову черную накидку, скрывающую в темноте ночи и оружие, и его самого, шагнул за очередным безмолвным воином на скрытую водой от неискушенного взгляда и выходящую далеко в море узкую каменистую гряду, пригнулся и сам стал похож на волну, медленно перетекающую в сторону корабля пришельцев.